

2207

Александр РОМАНОВ

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. А. ГИЛЯРОВСКОГО

СКАЗКА СТОЛЕШ- НИКОВА ПЕРЕУЛКА

Это было в начале зимы 1960 года. Тогда мы, трое вологжан—Сергей Викулов, Василий Белов и я—учились в Москве писательскому делу. Теперь, спустя много-много лет, выражение «учиться писательскому делу» у меня вызывает, конечно, улыбку, ибо писательство не приобретается дипломами, а дается человеку только судьбой и талантом. Но тогда мы были молоды, учились: кто—на Высших литературных курсах, кто—в Литературном институте. И однажды, проходя по Столешникову переулку, увидели мемориальную доску из красного мрамора с темным барельефом Владимира Алексеевича Гиляровского. Мы с волнением остановились: вот дом, где жил наш земляк, знаменитый дядя Гиляй!

В Вологде есть улица его имени, а по холмам идолов Кубенского озера тянутся проселки, которые помнят бурлацкую походку его самого, сына крепкоствольной нашей стороны. Бывая в родовых местах Гиляровского и слушающая раскат синих волн, мы улавливали в природе его порывистый образ. Какие могучие русские черты!.. И теперь, вглядываясь в барельеф, чувствовали, что высечены они сильно и верно. И нас потянуло зайти в дом, к наследникам Владимира Алексеевича.

В тот вечер над Столешниковым переулком шел самый первый снег. Он рослая в свете фонарей и витрин, мерцал и веял высотой неба. Он сразу сблизил всех людей и всю Москву своей пушистой сказкой. И мы решились! Весело стяхнув белые воротники, поднялись на третий этаж заветного дома. На наш звонок (и впрямь как в сказке!) дверь открыла девушка. В ее крупных глазах, красиво оттененных черными бровями, не было удивления при виде незнакомых людей, а сверкал свет молодого любопытства. При слове «Вологда» дверь распахнулась настежь, и девушка, по-домашнему поманив нас рукой, уже удорхнула вглубь квартиры, и до нас доносился лишь ее звонкий голос: «Виктор Михайлович, у нас вологжане!»

Мы не успели и оглядеться, как в прихожую вышел сухопарый пожилой человек с умным, чуть прищуренным, в улыбке взглядом. В нем светилась то спокойное благородство, которое приобретает большой ученостью и долгой жизнью.

— Лобанов Виктор Михайлович,—назвала он и, скользя по какому-то из нас проникающим прищуром, гостеприимно подал нам свою легкую руку.—А это Катя,—все с той же доброй улыбкой показал он на встретившую нас и пылавшую смуглым румянцем девушку.—Мы рады вам. Раздевайтесь, проходите.

Вообще-то это было удивительно: вырваться из шумной уличной толчеи и вдруг, вот так просто, оказаться в знаменитой московской квартире, в ее светлом и тихом окружении. Ведь это не только лишь стяхнуть шапки в подъезде да взбежать вверх на третий этаж, а пройти по тем ступеням, по которым в гости к хлебосольному Гиляровскому заходили Толстой, Чехов, Буниин, Куприн, Успенский, Горький, Маяковский, Есенин, Шалапин... От перечисления великих имен робел перо. А сколько здесь прошло блистательных художников, актеров и журналистов! Да мало ли всякого другого бывшего народа, в ком кипели сильные страсти и помыслы! Нет, это не только лишь подняться вверх на третий этаж да нажать кнопку звонка, а это значит подняться сердцем и умом в высь той талантливой русской жизни, которая мощно гудела здесь, в самом центре Москвы, и ощущать всем своим существом неразрывную с ней и поныне нашу связь.

Вот какое чувство горело в нас, когда мы вошли в гостиную вслед за Виктором Михайловичем и Катей. Лишь позднее мы узнали, что Виктор Михайлович—член-корреспондент Академии художеств, заслуженный деятель искусств РСФСР, и что именно он сохранил в целостности творческое наследие Гиляровского, своего тестя, и квартиру в прежнем виде, и все фамильные ее традиции. В таком пеленке и щепетильном деле помощницей ему была Екатерина Георгиевна Киселева, а в тот далекий вечер—просто Катя, родственница Гиляровского и тоже искусствовед. Повторяю, все это узнали мы позднее, а в первые минуты знакомства стеснительно перетанывались посреди гостиной, похожей на музейный зал, и не решались, несмотря на настоячивые приглашения, присесть. Да и как присядешь, если вот этот желтый диван называется толстовским, а тот, со старинной подставкой для трости—чеховским. А с просторного холста, кажется, герасимовской кисти, смотрел на нас внимательно и добродушно в вольной богатырской позе сам Владимир Алексеевич Гиляровский...

Громадное расстояние между историческими именами и ныне живущими людьми преодолевается лишь сознанием своего духовного родства. Только в этом случае преодоление времени легко и освежительно. И мы в самом деле, не переставая тому удивляться, довольно скоро освоились с обстановкой, где на каждом шагу—то книги, то полотна, то фотографии со знаменитыми автографами. Будто оставлены они вчера, будто с этими прославленными творцами великой русской культуры мы только что разминулись в снежном Сто-

лешниковом переулке. Вот что делает с нами единая любовь к Родине!..

Виктор Михайлович Лобанов сидел в кресле во главе стола, а мы—рядом, на венских стульях. Над столом висел подобный спокойному солнышку старинный абажур. Катя, уже в фартуке, с улыбкой появляясь в гостиную, что-то доставала из огромного резного буфета и вновь уносила улыбку на кухню. От нее веяло радостным ветерком. И всем было хорошо. Виктор Михайлович расстегнул свою серую домашнюю куртку, под которой белела простая рубашка, и свободно откинулся в кресло. Лицо у него узкое, острое, с чуть выдвинутым вперед подбородком и с чуть отклоненным назад большим, в зальсине, лбом. Особую остроту лицу придавали глаза—маленькие, зоркие, цепкие. Выражение легкого лукавства поминутно сменялось выражением глубокого интереса к собеседникам. Он, казалось, ничем не подчеркивал свою академичность, наоборот, вроде бы даже отстранялся от нее, однако и в простоте его, совершенно естественной, сквозила все-таки значительная непростота.

Разговор шел, понятно, о Владимире Алексеевиче Гиляровском и его знаменитом на всю Россию литературно-художественном окружении. Потом, спустя десять лет, когда не станет среди нас уже самого Виктора Михайловича Лобанова, мы с особым уважением прочитаем его последнюю книгу «Столешники дяди Гиляя», где широко развернута картина жизни мятежного Гиляровского. А в то первое застолье мы заворожено смотрели на удивительного рассказчика, говорившего тихо и медленно о людях, бывавших здесь, и чьи многотомные собрания классических сочинений ныне у всех в книжных шкафах. Лев Николаевич, Антон Павлович, Алексей Максимович, Владимир Владимирович, Сергей Александрович... боже мой! Какая счастливая судьба у этого человека, познавшего всем им руки и слушавшего их будничные разговоры, а теперь вот перед нами неторопливо вспоминавшего о них, как о добрых знакомых, называя любовно по именам и отчествам. Лобанов казался нам каким-то чародеем. Он запросто и очень зримо сдвигал в одно целое разные десятилетия и оживлял минувшее время для нынешнего. Когда мы слушали его, то нам представлялось, что левой рукой он касался прошлого, а правой—здоровался с будущим. И добытые трудом многих художников истины он нес бережно и уважительно, как бы перекладывая их из левой ладони в правую, открытую новым дням. Для этого дела надо обладать дарованием высокого понимания национальной русской культуры.

На столе перед нами вскоре появилось большое старинное блюдо, окаймленное голубой глазурью и наполненное стопкой горячих блинов. И над столом—Катя. Ее молодое лицо, полубожаженные полные руки, красивое вечернее платье—все дышало праздником. И закружились на столе расписанные цветными тарелки, зазвенели серебряные вилки, ножи и ложечки, засверкали вазочки с вареньями, замерцали золотистые чайные подстаканники и крохотные, узорного стекла стопки и водрузились в центре всего этого сияния графинчик с хорошим вином. Вот она, фамильная традиция Гиляровских—широкий стол, дружный уют и откровенные беседы о жизни и искусстве!

— Именно в это время,—сказал Лобанов, посмотрев на большие, в замысловатой бронзе часы,—в Владимиру Алексеевичу и приходили на вечерний чай его друзья и приятели. Опаздывал только Федор Иванович, у него концерты, спектакли, но когда он забегал, то слышали его голос уже с лестницы...

— Значит, мы пришли вовремя,—пошутил, кажется, Сергей Викулов.

— Да, да! Как это важно прийти вовремя!—оживился Виктор Михайлович, и веселая реплика сразу превратилась в значительную мысль. И завязался разговор о художественном образе каждого нового поколения, о ловить и выразить который дано лишь немногим, и то—в какой-то счастливый первоначальный момент, но зато уж—навсегда. Будь это поэзия, проза или живопись. Наши рассуждения об этом извечном таинстве искусства показались интересными Виктору Михайловичу, и, возможно, потому он сказал Катя:

— Пусть вологжане оставят у нас свои автографы и напишут что-нибудь экспромтом.

И вот перед нами широкий, толстый, в золотистом переплете альбом, похожий на старинный фолант. Открыли мы его и вновь оробели: на прекрасной бумаге автографы и потные слова Чехова, Мамина-Сибиряка, Леонида Андреева, Алексея Толстого, Шалапина, Ермоловой, Паустовского, Павла Корина... Ослепленные величием таких росписей, мы сразу спрятали в карманы свои авторучки, но Виктор Михайлович все-таки настоял на своем. Но что писать? Что можно сочинить в одну-две минуты? Не помню уж, что написали мои друзья, а сам оставил в этом домашнем фоланте Гиляровских четыре торопливые строки.

Теперь-то я отлично знаю,

Что ничего отрадней нет,

Чем заглянуть на яркий свет

В квартиру дядюшки Гиляя.

...Расставались поздно, уже друзьями—так живо телен дух Столешникова переулку, так соборно распахнуто само имя Владимира Алексеевича Гиляровского, так душевно и умно его наследники. После этого случая мы не раз заходили сюда, чтобы внимательней разглядеть уникальные сокровища огромной, но тесной от них квартиры: великое множество работ знаменитых художников и горы книг с дарственными надписями.

Только первое впечатление свежее всего осталось в памяти. Оно подобно первому снегу, укравшему молодую зелень озими. Потом будет другие снега, метельные, густые, даже более ослепительные, чем самый ранний снег, но лишь он свяжет землю с небесами, лишь он под глубокими напластованиями времени хранит в себе чистоту и трепетность своей поры. Кошны поглубже, до самой озими—и вновь опухнет лицо свежее дыхание давних, но всегда молодых для памяти облаков.